

УДК 343.234.5
ББК 67.408.031

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ЕЁ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С. А. Силантьев

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова (Ярославль, Россия)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2695-1239>

В статье рассматривается институт освобождения от уголовной ответственности с позиции учения о дифференциации. Актуальность избранной темы объясняется динамичностью развития института освобождения от уголовной ответственности, а также распределением составляющих его норм одновременно по Общей и Особенной части, что увеличивает вероятность законодательных и правоприменительных ошибок. Целью исследования является анализ института освобождения от уголовной ответственности с позиции его соответствия принципам дифференциации ответственности и выработка предложений по исправлению существующих дефектов.

На основе положений уголовно-правовой науки автором было доказано, что освобождение от уголовной ответственности является одним из средств дифференциации ответственности. С учетом основания дифференциации ответственности были даны предложения по корректировке официального толкования такого условия освобождения от уголовной ответственности, как совершение преступления впервые. Были показаны дефекты законодательства, связанные с недостаточным уровнем унификации между собой специальных видов освобождения от уголовной ответственности в Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, дефекты уголовного законодательства, законодательная техника, совершение преступления впервые.

CRIMINAL LIABILITY DISCHARGE AS A WAY OF DIFFERENTIATION: GENERAL AND PARTICULAR PROBLEMS AND SOLUTIONS THERETO

S. A. Silantev

Yaroslavl state University (Yaroslavl, Russia) ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2695-1239>

The article addresses the institution of criminal liability discharge from the viewpoint of differentiation doctrine. Relevance of the chosen subject is explained by dynamical development of the aforementioned institution and, moreover, division of clauses comprising it between the General and Special parts that increases the probability of legislative and law enforcing kinds of mistakes. The goal of the research is to analyse the institution of criminal liability discharge in regard to the criterion of it matching the principles of liability differentiation and derive ideas to fix existing defects.

Based on provisions of criminal-law science the researcher proved that criminal liability discharge is a means of liability differentiation. With the reasons for liability differentiation provided proposals for how to adjust official explanation for a condition of criminal liability discharge such as first-time crime committing were put forward. Particular defects of legislation related to inadequate level of unification of special kinds of criminal liability discharge in the Special part of the Criminal Code of Russian Federation.

Keywords: criminal liability discharge, criminal liability differentiation, criminal legislation defects, legislative technique, first-time crime committing.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.13](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.13)

Перспектива достижения превентивных и правосстановительных задач методами, не связанными с уголовным наказанием, обуславливает существование такого явления, как освобождение от уголовной ответственности. Данный институт способен оказывать позитивное влияние на уголовно-правовые правоотношения, однако достижение такого эффекта напрямую зависит от качества правового регулирования в данной сфере, правильного определения законодателем области применения подобного механизма.

Поэтому одним из ключевых вопросов является взаимосвязь вышеописанного института с процессом дифференциации уголовной ответственности.

Прежде всего следует дать определение понятию дифференциации уголовной ответственности. Посвященные этому вопросу труды ученых-криминалистов дают понимание, что дифференциация уголовной ответственности — это законодательное закрепление таких пределов уголовно-правового воздействия, которые различаются в зависимости от характера и типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [1, с. 30; 2, с. 122]. Дифференциация уголовной ответственности пронизывает как Особенную, так и Общую часть УК РФ.

По доминирующей в юридической литературе точке зрения освобождение от уголовной ответственности (по нормам как Общей, так и Особенной части УК РФ) является средством дифференциации ответственности [3, с. 72; 4, с. 135]. Например, Р. Ю. Смирнов называет основание освобождения от ответственности «суперпривилегирующим» признаком, который влияет на определяемые законом последствия совершения преступного деяния, в том числе — устраняет от применения санкцию статьи Особенной части УК РФ [5, с. 34].

Между тем у такой точки зрения имеются и оппоненты. Доводы сторонников противоположного воззрения на сущность освобождения от уголовной ответственности сводятся к тому, что в результате применения такого института состояния ответственности для виновного лица просто не возникает. Следовательно, и о том, что этот институт является инструментом градации мер уголовного принуждения, говорить не приходится [6, с. 207].

Думается, что последняя из упоминаемых концепций зиждется на слишком буквальном толковании правовых категорий. Освобождение от уголовной ответственности имеет те же характеристики, которые свойственны и остальным средствам дифференциации ответственности: во-первых, основание применения напрямую связано с изменением уровня общественной опасности содеянного и личности виновного [7, с. 166], во-вторых, освобождение от уголовной ответственности предполагает возложение на виновное лицо определенного рода обременений, объем которых пропорционален содеянному (меры по заглаживанию вреда, конфискация, судебный штраф), в-третьих, регламентация освобождения от уголовной ответственности является предметом деятельности именно законодателя и предполагает закрепление в нормативном материале условий, наличие которых делает возможным применение к виновному лицу щадящего правового режима, отличающегося от общего правила, в-четвертых, освобождение от уголовной ответственности не охватывается каким-либо иным уголовно-правовым правотворческим механизмом (криминализации/декриминализации, унификации, индивидуализации и пр.).

Изложенные суждения, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что освобождение от уголовной ответственности является средством дифференциации ответственности в уголовном праве.

В этой связи неизменно актуальными остаются проблемы законодательного закрепления и толкования условий применения норм об освобождении от уголовной ответственности, обеспечения справедливой дифференциации ответственности. Стоит остановиться на некоторых из них.

1. Спорное официальное толкование условия о совершении преступления впервые при освобождении от уголовной ответственности.

В большинстве норм Общей части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности указывается, что они могут быть применены исключительно при совершении преступления впервые. Указанное условие в сочетании с ограничением сферы действия соответствующего института в основном преступлениями небольшой и средней тяжести отражает одну из тенденций современной уголовной политики, предполагающей создание режима наибольшего снисхождения для лиц, совершивших не тяжкие преступления впервые.

Общеизвестным фактом является то, что толкование данного условия не совпадает с его буквальным смыслом. В частности, к впервые совершившим преступление относится лицо, совершившее не

сколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, а также лицо, которое ранее уже освобождалось от уголовной ответственности [8]. Иными словами, к впервые совершившим преступление приравнены и те, кто фактически такие преступления ранее совершал, просто не имеет судимости.

Подобное положение вещей часто вызывает недовольство в научной среде. Например, С. Е. Суверов предлагает ввести «ограничения на повторное освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в течение срока давности привлечения к уголовной ответственности, а также в случае совершения реальной совокупности преступлений» [9, с. 13].

К данной точке зрения следует отнестись весьма взвешенно. Так, что касается предложения автора о формальном запрете применять освобождение от уголовной ответственности при реальной совокупности преступлений, то оно, на наш взгляд, чересчур категорично.

Во-первых, такое ограничение представляется не до конца криминологически обоснованным. Вполне возможны ситуации, что лицом была совершена реальная совокупность из двух незначительных по своим последствиям преступлений, в совершении которых оно раскаялось, загладило причиненный им вред и тем самым существенно уменьшило свою общественную опасность, создав основание для освобождения от уголовной ответственности.

Например, Л. было совершено два эпизода преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ, обший ущерб от их совершения не превысил 2000 руб. В такой ситуации суд, учитывая явку с повинной, признание вины и полное заглаживание вреда, сведения о личности виновного (наличие постоянного места работы, одного малолетнего ребенка, отсутствие судимости), обоснованно освободил Л. от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [10].

Во-вторых, не до конца аргументирована позиция автора, почему реальную совокупность преступлений он рассматривает как более опасную, чем совокупность идеальную. В ст. 17 УК РФ какой-либо иерархии по уровню общественной опасности между данными видами совокупности преступлений не установлено, в юридической практике встречается множество видов идеальной совокупности преступлений, обладающих весьма высокой социальной вредоносностью (например, убийство, сопряженное с разбоем).

Нельзя согласиться и с мнением автора о том, что при совершении идеальной совокупности преступлений «невозможно констатировать появление антисоциальной направленности в действиях лица, что указывало бы на повышенный уровень общественной опасности его личности» [9, с. 91]. Идеальная совокупность с точки зрения субъективной стороны так же, как и совокупность реальная, содержит всю полноту субъективных признаков преступления, все входящие в него преступления обладают общественной опасностью, в противном случае мы бы просто не могли говорить о соответствующем уголовно-правовом явлении. Более того, идеальная совокупность в силу самого механизма её появления обычно предполагает сочетание именно умышленных преступлений. Поэтому и в данной части тезис автора представляется небесспорным.

Между тем, на наш взгляд, достойным внимания является предложение вышеупомянутого автора установить запрет на повторное освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего новое преступление в течение срока давности после предшествующего освобождения.

Такое предложение имеет под собой определенное криминологическое основание. В личности преступника, который уже единожды освобождался от уголовной ответственности, но по истечении небольшого промежутка времени совершил новое преступление, имеется зримая установка на сохранение и дальнейшее расширение своей преступной активности. Следовательно, рассуждая через призму учения о дифференциации ответственности, руководствуясь положением об изменении уровня общественной опасности как основании дифференциации, логичным будет прийти к выводу, что подобный субъект не подлежит повторному освобождению от уголовной ответственности как не исчерпавший заряд своей общественной опасности [11, с. 126–127].

Существует и мнение в поддержку подхода, ныне воспринятого судебной практикой. Его сторонники отмечают, что факт совершения прежнего преступления в силу освобождения от уголовной ответственности утратил своё уголовно-правовое значение, а потому его учет при совершении нового преступления невозможен [12, с. 13].

Представляется, что вторая из озвученных точек зрения является чересчур догматичной и не учитывает факторы, лежащие в основании освобождения от уголовной ответственности.

Учет характеристики личности субъекта, прежде освобождавшегося от ответственности, но совершившего новое преступление, даёт правоприменителю понимание, что повторное освобождение его от уголовной ответственности с наибольшей вероятностью будет неэффективно, и для достижения целей уголовного права необходимо применить к нему уголовное наказание, так как более мягкие меры уже были испробованы и не оказали должного воздействия.

Отказ же от учета фактически повторного характера преступления оказывает негативное влияние на уголовные правоотношения, так как не даёт правоприменителю возможности осуществить взвешенную уголовно-правовую оценку, раскрытую выше. Между тем ныне существующий подход законодателя и Верховного Суда РФ сводится именно к этому, в связи с чем учению о дифференциации ответственности он не соответствует.

Стоит отметить и тот факт, что в уголовном законе в качестве характеристики общественной опасности личности виновного учитываются факты совершения им ранее не только преступлений, но и административных правонарушений. И принятие во внимание данных обстоятельств является поводом даже не для дифференциации ответственности, а для криминализации деяний путем использования административной преюдиции. Поэтому правило о запрете повторного освобождения от уголовной ответственности в течение определенного периода времени не будет ощущаться инородным и чуждым для уголовно-правовой материи.

Единственное уточнение, которое бы мы хотели сделать в этой связи: на наш взгляд, не стоит делать привязку срока, в течение которого повторное освобождение от уголовной ответственности невозможно, к срокам давности привлечения к ответственности, которые отличаются у преступлений небольшой и средней тяжести в три раза. Подобное решение привело бы уже к нарушению принципов унификации: в нормах гл. 11 УК РФ не установлено различий в применении освобождения от ответственности для преступлений небольшой и средней тяжести. Поэтому и срок, в течение которого повторное освобождение от уголовной ответственности запрещено, по логике закона должен быть для них единым.

Поэтому вполне разумным было бы установить правило, по которому для целей освобождения от уголовной ответственности не считаются впервые совершившими преступление лица, которые совершили новое преступление до истечения двух лет с момента принятия постановления об освобождении их от уголовной ответственности по ранее совершенному преступлению, а равно с момента постановления обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания либо без назначения наказания.

2. Недостаточная унификация между собой видов освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ.

В некоторых существующих в Особенной части УК РФ нормах об освобождении от уголовной ответственности была воспроизведена структура схожих видов освобождения из Общей части, в том числе было закреплено и условие о совершении преступления впервые. К таковым можно отнести специальные виды освобождения по примечаниям к ст. 127.1, 195, 208, 282.1–282.3 УК РФ и некоторые другие.

Вместе с тем большинство специальных видов освобождения от уголовной ответственности такого условия не содержат. В ряде случаев отсутствие требования в виде совершения преступления впервые вполне допустимо, например, когда целью соответствующего вида освобождения от уголовной ответственности является предотвращение вреда для наиболее значимых прав и свобод, в первую очередь жизни. Поэтому приемлемыми выглядят конструкции освобождений к ст. 126 (похищение человека) и 206 (захват заложника) УК РФ, в которых условие совершения преступления впервые не упомянуто.

Однако по отдельным из видов освобождения от уголовной ответственности в Особенной части УК РФ отсутствие рассматриваемого условия представляет собой дефект законодательной техники. Так, непонятно, почему для освобождения от уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества по примечанию 1 к ст. 282.1 УК РФ требуется, чтобы преступление было совершено впервые, а для освобождения от ответственности за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), такого условия нет. Данные преступления по своей сути представляют собой схожие правовые явления, и такое сходство дает ос-

нование и для унификации между собой соответствующих специальных видов освобождения от уголовной ответственности [13, с. 281].

Отсутствие унификации в части условий освобождения от уголовной ответственности зачастую приводит к фактам необоснованного, но формально соответствующего закону освобождения от уголовной ответственности.

Подобная ситуация сложилась в правоприменении по ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации). Согласно примечанию 2 к данной статье лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Как мы видим, данный вид освобождения является императивным, в качестве его условий не предусмотрено ни совершение преступления впервые, ни деятельное раскаяние и связанная с этим утрата лицом общественной опасности.

На практике подобная конструкция освобождения от уголовной ответственности привела к весьма курьезным и печальным с точки зрения задач уголовного права случаям. Так, исходя из данных по судебному участку № 2 Ленинского судебного района Ярославля, гражданка С., обвинявшаяся в совершении преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ, за период 2020–2021 гг. была 6 раз освобождена от уголовной ответственности по примечанию к ст. 322.3 УК РФ [14]. При этом по каждому последующему уголовному делу, направленному в суд, количество фиктивно поставленных ею на миграционный учет иностранных граждан всё больше увеличивалось, что говорило об отсутствии осознания вины и всё более возрастающей общественной опасности её личности.

Поэтому мы полагаем, что в связи с явно негативным превентивным эффектом такой вид освобождения от уголовной ответственности подлежит исключению из Особенной части УК РФ.

Подытоживая проведенное исследование, мы констатируем, что развитие института освобождения от уголовной ответственности возможно только в рамках понимания его как части механизма дифференциации такой ответственности, учета основания дифференциации уголовной ответственности при создании и изменении соответствующих норм Общей и Особенной части УК РФ. В настоящее время потенциал учения о дифференциации уголовной ответственности до конца в рассматриваемом институте не реализован, что влечет за собой правотворческие, правоинтерпретационные и правоприменительные ошибки, подробно описанные в ходе исследования и подлежащие устранению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рогова Е. В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.
2. Андреев А. В., Лобанова Л. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2006. № 8. С. 118–126.
3. Соловьев О. Г., Ильин А. А. О средствах дифференциации уголовной ответственности в Общей и Особенной части УК РФ // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 3 (17). С. 70–73.
4. Рогова Е. В. Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 16–17 сентября 2016 г.): в 2 т. Т. 2 / отв. ред. С. И. Сулова, А. П. Ушакова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. С. 135–139.
5. Смирнов Р. Ю. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против здоровья человека в уголовном праве России: вопросы теории и практики : монография. Рязань : Концепция, 2014. 152 с.
6. Дуюнов В. К., Кондратюк С. В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 11А. С. 201–214. doi: 10.34670/AR. 2020.91.11.026.
7. Благоев Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161–168.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 8.

9. Суверов С. Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 257 с.

10. Постановление Ленинского районного суда г. Ярославля от 28.02.2023 по делу № 1–68/2023 // Ленинский районный суд г. Ярославля. URL: https://leninsky-jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=98621781&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.10.2024).

11. Соловьев О. Г., Князьков А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики : монография. Рязань: Концепция, 2014. 212 с.

12. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики : научно-практич. пособие. М. : Проспект, 2015. 112 с.

13. Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 312 с.

14. Судебный участок № 2 Ленинского судебного района г. Ярославля URL: http://2len.jrs.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&U1_DEFENDANT__NAMESS=%D0%A1%D0%B0%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0&delo_id=1540006&op=sf (дата обращения: 01.10.2024).